

УДК 94(470)''1762'':271.21-475(045)

*К.Д. Бугров***ПОЛИТИЧЕСКОЕ БОГОСЛОВИЕ И ЛЕГИТИМАЦИЯ ЕКАТЕРИНИНСКОГО ПЕРЕВОРОТА 1762 ГОДА: «СЛОВО ТОРЖЕСТВЕННОЕ» КОНСТАНТИНА (БОРКОВСКОГО)¹**

Настоящая статья посвящена анализу роли политического богословия российского XVIII в. в функционировании легитимационной идеологии Екатерины II, призванной оправдать переворот 1762 г. Предметом анализа выступает проповедь Константина (Борковского), произнесённая в Москве 10 июля 1762 г. и посвящённая разъяснению событий переворота. Показано, что проповедь Константина включает две основные системы аргументации: провиденциалистское обращение к истории как раскрытию божественного замысла о России (августинизм) и культ монарха, опирающийся на исторические и библейские сравнения, а также на прямое восхваление особых качеств монарха. Эти характеристики проповеди Константина сравниваются с более ранним массивом политической проповеди времён Елизаветы Петровны, а также с другими текстами, призванными оправдать переворот 1762 г. (официальные манифесты, панегирическая поэзия). Компаративный анализ позволил установить, что августинизм, дававший возможность оправдать факт свержения монарха, являлся неизменной составляющей легитимационных идеологий эпохи дворцовых переворотов, тогда как восхваление монарха, позволявшее обосновать воцарение конкретного лица, каждый раз приобретало специфическое идейное содержание. Хотя легитимация переворота 1762 г. включала также использование секулярных идеологических систем (естественное и римское право, антиабсолютистская риторика), всё же политическое богословие оставалось чрезвычайно важным элементом в легитимационной идеологии Екатерины II.

Ключевые слова: политическое богословие, монархизм, абсолютизм, августинизм, Константин (Борковский), Екатерина II.

DOI: 10.35634/2412-9534-2020-30-1-18-25

Переворот 1762 г., приведший к свержению Петра III и воцарению Екатерины II, может считаться одним из важнейших моментов политической истории России XVIII в. Особенный интерес представляют в истории российской социально-политической мысли те стратегии легитимации переворота, которые были выработаны и применены на практике Екатериной и её окружением непосредственно после свержения Петра III. Задача оправдать переворот была сложной, поскольку даже по широким меркам эпохи дворцовых переворотов восшествие Екатерины на престол должно было бы считаться узурпацией. Можно сказать, что в идеологическом отношении переворот Екатерины не был достаточно тщательно подготовлен, провоцируя путаницу, прояснить которую слабо помог даже беспрецедентный для России «обстоятельный манифест» новой императрицы, опубликованный 13 июля 1762 г. Настоящая статья посвящена анализу того, как функционировало одно из наиболее значимых в России XVIII в. направлений социально-политической мысли — политическое богословие — в условиях переворота 1762 г.

Легитимационные стратегии переворота 1762 г. привлекают внимание исследователей. Обычно анализ этих стратегий строится вокруг выявления специфики идеологических стратегий отдельных групп властной элиты, а также конструирования на этой основе своего рода «политических программ». Так, Г. А. Гуковский рассматривал переворот 1762 г. как проявление борьбы дворянских внутриклассовых «партий»; у каждой такой «партии» он обнаруживал собственную программу [3, с. 138–145]. Эти идеи были развиты В. Проскуриной, обнаружившей следы «фрондерской» идеологии в одической поэзии А. П. Сумарокова, посвящённой воцарению Екатерины II [10, с. 35–88]. Некоторые авторы даже полагают, что события 1762 г. демонстрируют складывание в России XVIII в. «выборной монархии», где под маской дворцовых переворотов скрывались своего рода выборы государя узким кругом придворной элиты [14; 12].

¹ Настоящая статья подготовлена при поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских учёных — кандидатов наук № МК-5914.2018.6 («Роль церковной проповеди и панегирика в российской политической культуре XVIII в.»).

Три недавних исследования легитимационной идеологии 1762 г. имеют особенную важность. Р. Вроон переносит центр внимания с выявления политических программ на поиск аргументации в пользу конкретной фигуры на троне, обращая внимания на уже упомянутый нами во введении дефицит легитимности у Екатерины II. По мнению Вроона, для обоснования переворота придворными панегиристами (М. В. Ломоносовым, А. П. Сумароковым, И. С. Барковым, И. Ф. Богдановичем, М. М. Херасковым, С. Г. Домашневым и др.) использовались сравнения с Петром I, Екатериной I или Елизаветой, однако оправдать воцарение позволяли ссылки на прямое вмешательство Бога, введение в политическую жизнь империи «буквального *deus ex machina*» [13, р. 580]. С основными выводами Вроона солидарен И. Клейн, расширивший анализ панегирической поэзии как политического жанра [8]. В свою очередь М. А. Киселёв, рассматривая «обстоятельный манифест» 1762 г., приходит к выводу о доминировании в легитимационной идеологии Екатерины II антиабсолютистской теории в духе Фенелона или Дж. Локка [6, с. 61]. Однако описание Петра III как тирана, преступившего нормы «права естественного» и обрекавшего Россию на гибель, помогало объяснить, почему Пётр III был свергнут, но мало что давало для обоснования воцарения именно жены свергнутого императора, а не, допустим, наследника Павла Петровича с регентским советом.

Следует согласиться и с выводом Вроона относительно того, что принципиально важную роль в легитимационной стратегии Екатерины играли ссылки на вмешательство Провидения, и с замечаниями Киселёва относительно интеллектуальных новаций, нашедших отражение в Обстоятельном манифесте. Но всё же анализ идеологии 1762 г. необходимо выстраивать с учётом более ранних риторических стратегий оправдания переворота, относящихся к елизаветинскому времени, а также с более тщательным рассмотрением специфики церковного панегирика и проповеди. Предмет нашего анализа — церковная проповедь «Слово торжественное о всерадостнейшем и вожделеннейшем на самодержавный всероссийский престол вступлении Ея Священнейшаго Императорскаго Величества, Благодетельнейшаго Государыни Императрицы Екатерины Вторыя Самодержицы Всероссийския», которую 10 июля 1762 г., спустя всего 12 дней после переворота (отпечатана она была уже 15 июля), произнёс в Успенском соборе московского Даниловского монастыря игумен Константин (Борковский). Проанализировав это сочинение, мы сопоставим его с другими видами легитимационных текстов, чтобы рельефнее выявить внутренние противоречия и сложности идеологии, оправдывавшей екатерининский переворот, предложить ряд выводов относительно характера трансформаций, протекавших в российской политической культуре под влиянием переворота 1762 г.

Изучаемая проповедь занимает особенное место во всём корпусе политической проповеди XVIII — начала XIX вв. Константин (Борковский) хорошо знал традицию политического богословия елизаветинской поры, когда целый ряд видных церковных авторов (таких, как Амвросий (Юшкевич), Симон (Тодорский) и др.) обосновывал право новой императрицы на престол [7]. Но ситуация 1762 г. не позволяла применить уже готовые концептуальные модели. Таким образом, Константину нужно было импровизировать, учитывая, с одной стороны, основные положения первого екатерининского манифеста; с другой — используя уже наработанные российской барочной традицией легитимационные ходы. Как же справился с этой задачей автор «Слова торжественного»?

Константин начал с обращения к божественному Провидению, управляющему историческими судьбами России. В рамках этого взгляда история России представляла раскрытием божественного замысла, неисповедимыми путями ведущего страну от глубин падения к высотам триумфа. Этот аргумент, отражая собой августиновское направление, в политическом богословии Нового времени использовался и в России (например, в сочинениях Феофана (Прокоповича) 1730-х гг. «Рассуждение о безбожии» и «Слово в день вшествия на всероссийский престол Анны Иоанновны»); и в Западной Европе (например, у крупнейшего французского проповедника второй половины XVII в. Ж. Боссюэ). Августинизм исключал исторические случайности, встраивая кажущиеся неожиданными события (примером такого события был, безусловно, переворот 1762 г.) в телеологическую историю. В этом смысле вмешательство Бога в воцарение Екатерины представляло вмешательством *чудесным*, но не *случайным*.

Августинизм помогал Константину объяснить, почему Россия спаслась от глубин падения и от порабощения «злодеем» Фридрихом II, но не позволял убедительно показать, почему на троне должна находиться именно Екатерина II, а не, например, маленький Павел Петрович. Когда трон Петра I наследовала Екатерина I, обоснованием служили её выдающиеся качества, на протяжении довольно-таки длительного времени разрабатывавшиеся в придворной интеллектуальной сфере (ярким выражением этого стала коронация Петром I своей супруги, ставшая позднее одним из главных аргумен-

тов в её легитимационной стратегии). В случае с Елизаветой наличие этих качеств обосновывалось сравнением новой императрицы с её великим отцом; культ Петра, сложившийся в 1740-е гг. стараниями придворных проповедников и поэтов, оправдывал царствование Елизаветы. Однако и Екатерина I, и Елизавета были связаны с Петром I семейными узами. Екатерина II не имела к Петру I отношения; с 1754 г. она находилась в России, будучи женой наследника и обладала благодаря этому статусу определённой популярностью в придворных кругах, но данная популярность вовсе не заменяла собой символического капитала предшествовавших императриц.

Нехватку этого символического капитала Константин старался восполнить, прибегая к эффективным метафорам и уподоблениям. В центре его стратегии находилось обращение к календарной параллели. Проповедник напоминал слушателям, что именно в этот день, 10 июля 1711 г., Творец «рукою крепкою и мышцею высокою подал избавление ПЕТРУ Великому, ПЕТРУ Первому, просветителю Российскому, а чрез Него и целому Его народу даровал свободу от вечнаго стыда и срамоты, наносимой от Христова врага, Турецкаго народа. Он в сие число хотя было и наказал нас как правосуд, но вскоре как Отец и избавил нас <...> не предаде во истинну многоценную главу возлюбленнаго своего народа в корысть смерти». Этому радостному событию Константин немедленно уподобил другое чудо, которое «над Россиюю Своею явити благоволил Великодушной ЕКАТЕРИНЕ нашей всегда присутствующий Господь, которая предзрела Его пред Собою выну, яко одесную Ея есть, и сама не подвиглась, и церковь божию и любезное Отечество Свое от свирепой бури, от грознаго трясения, от жестокаго поколебания удержала, защитила, свободила» [11, с. 3–4].

Риторическое обращение к чуду позволило Константину перейти к библейским примерам. Он напомнил о том, что злключения и тяготы потрясали Израиль до воцарения Давида, и праведный судья Гедеон жаловался ангелу, что Божья помощь слабо защищает его царство. От Израиля Константин возвращался к России: «Не равное ли тому и нас не давно постигало отчаяние? Не говорила ли в лице Гедеоновом, до Бога и церковь наша Святая: аще ты, Господи, со мною: вскую нападоша на мя от сонма лукавнующих <...> Ей говорила! <...> И се ей Господь, Его же предзрела она прел собою выну, яко одесную ея есть, не даде подвигнуться чрез Сильную крепостию, Избранную вместо Гедеона Израильского, Всероссийскую МОНАРХИНЮ ЕКАТЕРИНУ».

Использование авторитетных сравнений было своего рода риторической подготовкой, после которой Константин перешёл непосредственно к восхвалению экстраординарных качеств новой императрицы, следуя стратегии, детально разработанной ещё в политической проповеди времен Елизаветы: «О Премудрая ЕКАТЕРИНА! О Прозорливая Всероссийская МОНАРХИНЯ! Естьли бы данною Тебе от бога свыше благодатию, всего того не предувидела, и великодушием Своим в руках Своих не удержала: куда б мы годились? Безоружны, беспомощны, голодом и скудостью изнуряемы и истязаемы остались бы. И кто может исчислить все нам имевшия приключитсь напасти, от которых Твое щастие, Твое от Бога избрание, Твое богоугодное предприятие, совершенно защитило нас? <...> И что было послал Он на нас, ни о чем том не жалеем мы, видя Тебе, нашу надежду, на Самодержавном Всероссийском Престоле сидящую. Припадаем к стопам Твоим с радостными слезами: облобызаем священныя дела премудрых Твоих предприятий: величаем пребодрое и предоброе Матернее Твое защищение. Мы согрешили, а Твоя праведная неповинность исходатайствовала нам от Господа спасение и на людей Твоих благословение. Мы раздражили было Творца; а Ты незлобивою Твоею и правоверною душею умилостивила Всевышняго». Константин не преминул использовать и ещё одно авторитетное сравнение, теперь уже с покойной императрицей Елизаветой, которая «предстательствовала» за несчастную Россию перед Богом и которой Екатерина «и в вере, и в великодушии подобна» [11, с. 8–9].

Завершение проповеди Константина использовало тот августиновский риторический арсенал, о котором мы упоминали выше: «Коль чудны и преславны величия Господни и дела его, их же употребляет он в пользу нашу и в славу Российской Державы. И кто бы толь неистов был, кто бы не мог чувствовать непостижимой силы чудес его? Приди сюда, безбожник, и научись от сего промысла божия, веровать в Создателя твоего. <...> Приди сюда, скверная Епикурская шайка, в сластях и страстях утопающая; присмотрись строгой судьбе божией за безместныя дела отмщающей, и покори неистовство природы твоея в послушание веры, да с временными благими и вечных не лишишися» [11, с. 9].

Итак, московский проповедник искусно интерпретировал легитимационные тексты Екатерины II, сориентировавшись в сложной ситуации. Августиновская риторика позволяла Константину объяснить слушателям, что неожиданный переворот никак не должен сказаться на автори-

тете и незыблемости власти. Ситуация провозглашённого Петром III союза с Пруссией интерпретировалась как военное поражение и угроза величию державы. Явную нехватку легитимности новой императрицы проповедник компенсировал с помощью целого набора исторических сравнений и уподобления новой императрицы Гедеону, Давиду, Екатерине I и, наконец, Елизавете Петровне. Эти сравнения позволяли Константину перейти к заключительной части проповеди — торжественному провозглашению выдающихся качеств Екатерины и её личной роли в том чудесном спасении России, о котором речь шла в начале проповеди. Сравнение здесь перерастало в воплощение, и Екатерина оказывалась новой Елизаветой или новым Петром. Выдающиеся достоинства — это не только особый ум либо государственное искусство; Константин, говоря о достоинствах, использует старую елизаветинскую фигуру речи — готовность Екатерины принести себя в жертву. Хотя сегодня понятие о большем достоинстве может нести макиавеллистские коннотации, в своём контексте это понятие в большей степени подразумевало смирение.

Теперь сопоставим проанализированную выше проповедь с другими проявлениями легитимационной идеологии в синхронном и диахронном аспектах. Начнём со сравнения с елизаветинской политической проповедью. Основными чертами елизаветинской проповеди мы считаем провиденциализм, мотив жертвенности, мотив чуда и божественного предначертания, риторика воплощения [2, с. 135]. Подобно проповедникам елизаветинского времени, Константин избегал вести речь о наследовании в юридических категориях. Показательно, что в его проповеди речь о наследнике Павле Петровиче заходила в последнюю очередь. Вместе с тем, важный для елизаветинской поры мотив династических прав на трон, представавший в виде мотива о божественном предначертании (Елизавета является законной наследницей как дочь Петра I и Екатерины I, и именно поэтому она обладает и экстраординарными качествами), не был использован Константином.

Чрезвычайно важными для проповеди Константина были первые манифесты Екатерины, поскольку содержали важнейшие формулировки об угрозе со стороны Пруссии. Сравнивая проповедь Константина с «обстоятельным манифестом» Екатерины II от 13 июля 1762 г. (автором этого текста выступил, видимо, Г. Н. Теплов при деятельном участии Н. И. Панина), мы можем обнаружить сходства в следующих моментах: угрозу российской державе, признание вмешательства Провидения, мотив жертвенности Екатерины. Но был в манифесте и целый ряд положений, которые не нашли отражения в проповеди: упрёк Петру III в тирании, сформулированный на базе заимствований из римского права [6, с. 56], а также обещание реформ в системе государственного управления. Впрочем, в манифесте сложно выделить единое идейное ядро; стремясь как можно надёжнее подкрепить легитимность Екатерины II, его авторы использовали все доступные им стратегии обоснования, пусть даже некоторые из них вступали друг с другом в противоречие.

Наконец, сравнение проповеди Константина с легитимационными панегириками светских поэтов, позволяет выявить следующие сходства: признание прямого вмешательства божественного Провидения в воцарение Екатерины II, декларирование её особенных качеств как мудрой законодательницы, а также отождествление её с Елизаветой. Общей для этих панегириков была и трактовка внешнеполитического контекста переворота — акцент на угрозе со стороны Фридриха II как главной причине падения Петра III. Примечательно, что многие из этих интеллектуальных ходов, видимо, связанные с более ранней традицией, оказались в самом скором времени упразднены зигзагами официального курса Екатерины II. Так, попытки М. В. Ломоносова развивать в своих одах уподобление новой императрицы Елизавете вскоре начали вызывать у Екатерины II раздражение [10, с. 24–25]. Ещё более показательная история с апелляциями к международному контексту. Проповедь, произнесённая игуменом Константином, равно как и ода А. П. Сумарокова, шли целиком в логике первого манифеста Екатерины и были полны lamentаций об умалении «российской славы» и о «трепроклятом мире». Но уже через несколько недель «иконоборец» и «неистовый церкви Христовой раздражитель» превратился в надёжного союзника России! Один из руководителей заговора, Н. И. Панин, возглавивший при Екатерине II российскую дипломатию, сделал альянс с Пруссией основой российской внешней политики на ближайшее десятилетие. Любопытно, что зигзаг 1762 г. в отношении к Пруссии не укрылся от современников. Например, А. Т. Болотов в своих мемуарах отмечал факт изменения отношения к Пруссии и попытался как-то объяснить очевидное противоречие, ссылаясь на якобы обнаруженные у Петра III письма прусского короля, «растрогавшие» Екатерину и убедившие её в том, что Фридрих II ей вовсе не враг [1, с. 452].

Легитимационные стратегии Екатерины II оказались весьма многообразны. Если в массиве легитимационных текстов правомочность свержения Петра III доказывалась по преимуществу двумя способами (апелляцией к Провидению и дополнительной естественно-правовой аргументацией, презентующими свергнутого государя как тирана), то справедливость воцарения Екатерины II разъяснялась с помощью по меньшей мере пяти риторических стратегий. Среди них были и стратегии, относившиеся к инструментарию политического богословия (провиденциализм, мотив жертвенности, мотив уподобления Елизавете и Петру I, превознесение экстраординарных качеств императрицы), и вполне секулярные аргументы (отречение Петра III в её пользу, декларирование реформаторского курса). При этом почти не использовались юридические и династические претензии на трон, хотя в «обстоятельном манифесте» и намекал на то, что Екатерина и взаправду является «внучкой» Петра I, называя от имени императрицы покойного царя-реформатора «дедом» [10, с. 111]; так риторическое уподобление под пером авторов манифеста превратилось в конструирование «реальной» родственной связи. Такое многообразие стратегий легитимации явилось следствием организационной специфики смены власти: аргументы, использовавшиеся в обоснование воцарения Екатерины, подбирались «реактивно», в ситуации, когда необходимость вербовать новых сторонников заговора уже отсутствовала, а насущной задачей стало сохранение власти в руках Екатерины II. Следует согласиться с Р. Вроном: «Поскольку легитимность заключалась в божественном избрании, факт такого избрания становился явным лишь при успехе попытки захвата власти, а потому причинно-следственные отношения между ними конструировались *post factum*. По данной причине сам Бог и его суррогаты (обычно — покойные монархи Петр I и Елизавета, ныне обитавшие в раю) играли роли в драматических событиях, приведших к воцарению Екатерины» [13, р. 573].

Быть может, в таком случае политическое богословие и концепцию божественного вмешательства можно считать набором общих мест, автоматически оправдывавшим любую смену власти и маскировавшим реальный авторитет власти — отношения с придворными и гвардейцами [8, с. 43]? Думается, подобное мнение существенно упрощает сложную интеллектуальную систему политического богословия. В истории екатерининского царствования имеется эпизод, позволяющий — пусть и с оговорками — оценить, как могли бы сторонники Петра III контратаковать екатерининскую легитимацию переворота, используя ровно тот же язык провиденциализма. Когда свергнутый император «воскрес» в лице Е. И. Пугачёва, манифесты повстанцев не развивали особой властной идеологии, ограничиваясь констатацией законности «природного государя», чудом спасшегося от абстрактных заговорщиков. Однако 5 апреля 1774 г. Войсковая канцелярия яицких казаков отправила подполковнику И. Д. Симонову, руководившему защитниками крепости Яицкого городка и сохранявшему лояльность Екатерине II, «увещание». Этот чрезвычайно примечательный текст не только дублировал стандартную для пугачёвских манифестов формулу («всем уже безызвестно, на каких основаниях Российское государство лишилось всемилостивейшего своего монарха от злодеев нашего вселюбезного отечества»), но и предлагало собственный взгляд на легитимность императрицы. Согласно этому документу, «государыня или, паче рещи, мужеубийца», вступила в заговор с Орловыми и объявила «ложные клеветы» на императора, обманув армию и лишив супруга престола: «Той же казни божией будете достойны, яко отступники и нарушители христианского закона, что изгнаша своего государя и вместо закона законныя блуднице служите. Разве вам видно, что его же хочет бог, того и избирает на царство, как и в древних родех учиняемо бывало, что помазанного на царство пророком израильского царя Саула всемогущий господь с престола низверг и вместо поять Давыда, раба своего...» [4, с. 105]. Правда, в итоговый текст не вошли оскорбительные для Екатерины II высказывания о «мужеубийце» и «блуднице», заменённые на нейтральные формулировки «забыв страх и закон божий» и «приняв на себя несть какое беззаконие». Тем не менее, казачье «увещание» отчётливо показывает, что политическое богословие могло служить оправданием для бесконечного числа смен власти. Именно поэтому ссылка на вмешательство Провидения сама по себе не была достаточной для эффективного функционирования легитимационной идеологии; как показывает пример проповеди Константина, августинистский провиденциализм нужно было дополнять историческими сравнениями, уподоблениями и прямым восхвалением выдающихся качеств нового монарха.

Предпринятый нами анализ проповеди Константина (Борковского) позволяет сделать следующие выводы. Религиозная риторика (политическое богословие), использовавшаяся для обоснования переворота 1762 г., включала два основных режима. Первый из них можно охарактеризовать как августинистский провиденциализм. Дурное царствование трактовалось не как нарушение своеобразно-

го «договора» с подданными, а как Божье наказание: тиран — кара, а его падение — милость Бога, дарующего хорошего царя взамен дурного. Очевидная, казалось бы, чрезвычайность такого события, как переворот, оказывается растворённой в логике исторического фатализма. Этот взгляд являлся специфическим для церковной литературы и оставался фиксированной частью легитимационной теории, краеугольным камнем официальной идеологии монархии XVIII в. Использование августинизма было характерным для политического богословия от Феофана (Прокоповича) до эпохи Александра I и далее: оно оказывало мощное влияние на другие жанры общественной мысли.

Однако августинизм не позволял убедительно объяснить, почему царствовать должно конкретное лицо. Наделение этого лица качествами образцового монарха, оправдывающими воцарение, осуществлялось при помощи авторитетной топики, позволявшей привести эффектные сравнения с великими монархами древности и, наконец, с библейскими персонажами. Сравнение позволяло перейти к третьему элементу: прямому восхвалению нового монарха как человека необыкновенных, (полу)божественных качеств. В поиске сравнений, приписывании Екатерине II необыкновенных качеств, а также в трактовке внешнеполитического контекста проповедь Константина совпадала с рядом других панегириков, вышедших из-под пера светских авторов. Эти идеологические ходы образовывали подвижную часть легитимационной теории, культ монарха, конструировавшийся специфическими жанровыми средствами панегирика, проповеди, торжественной оды. Хотя жанровая форма этой идеологии оставалась одной и той же, её содержание менялось от случая к случаю, и случай Екатерины II отличался от случая Елизаветы в смысле подбора сюжетов, исторических сравнений и приписываемых достоинств.

Использование политического языка антиабсолютистской теории и естественного права в «обстоятельном манифесте» Екатерины II стало важной новацией в истории общественной мысли XVIII столетия. Тем не менее, аргументы из арсенала политического богословия не просто оставались критически важными для властной конструкции Российской империи, но и специфическим образом взаимодействовали с вновь адаптируемыми глоссариями. Так, культ монарха, характерный для проповеди и панегирика, своеобразно взаимодействовал с дискурсом законности, а характерная «легисломания» екатерининской эпохи с характерной «убеждённостью в особой силе закона и регулярного государства или благоучреждённой монархии» [9, с. 241] шла рука об руку с культом «премудрой» императрицы. Добавлялись новые политические глоссарии, но старые никуда не исчезали, сохраняя своё влияние или образуя концептуальные «амальгамы»; ярким примером этого является беспрецедентное использование идеологического ресурса политического богословия для обоснования реформы местного самоуправления, предпринятой Екатериной II в 1770-е гг. [5]. Проповедь Константина развивала риторические ходы елизаветинской легитимационной проповеди и одновременно была первой среди текстов екатерининского политического богословия, представленного позднее такими мастерами ораторского искусства, как Платон (Левшин), Иннокентий (Нечаев) или Гавриил (Петров).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Болотов А. Т.* Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. 1738–1793. СПб.: Печатня В. Головина, 1871. Т. II. 1120 с.
2. *Бугров К. Д.* «Политическое богословие» елизаветинской эры: легитимация власти Елизаветы Петровны в придворной проповеди 1740-х — 1750-х гг. // Вестн. Том. гос. ун-та. 2018. № 436. С. 131–138.
3. *Гуковский Г. А.* Очерки по истории русской литературы XVIII века. Дворянская фронда в литературе 1750-х — 1760-х годов. М.; Л.: Изд-во Академии наук, 1936. 236 с.
4. *Документы ставки Е. И. Пугачёва, повстанческих властей и учреждений. 1773–1774 гг.* М.: Наука, 1975. 522 с.
5. *Зернова А. И.* «Власть без доверия нации — ничто». Губернская реформа Екатерины II в проповедях на открытие наместничеств // Россия XXI. 2013. № 4. С. 136–159.
6. *Киселёв М. А.* Обстоятельный Манифест о восшествии Екатерины II на престол 1762 г.: авторство и идейные источники // Современная научная мысль. 2018. № 5. С. 48–64.
7. *Кислова Е. И.* Издание придворных проповедей в 1740-е годы // XVIII век. Сб. 26. Старое и новое в русском литературном сознании XVIII века. СПб.: Наука, 2011. С. 52–72.
8. *Клейн И.* Похвала властителю: панегирическая поэзия и русский абсолютизм // Словене. 2015. № 2. С. 36–71.
9. *Марасинова Е. Н.* «Закон» и «гражданин» в России второй половины XVIII века: очерки истории общественного сознания. М.: НЛЮ, 2017. 508 с.
10. *Проскурина В.* Мифы империи. Литература и власть в эпоху Екатерины II. М.: НЛЮ, 2006. 322 с.

11. Слово торжественное о всерадостнейшем и вожделеннейшем на самодержавный всероссийский престол вступлении Ея Священнейшаго Императорскаго Величества, Благочестивейшия Государыни Императрицы Екатерины Вторья Самодержицы Всероссийския, славу премилосердому господави за толикую его на Россию изобильную милость, воздающее. М: При университете, 1762. 10 с.
12. *Sashalmi E.* God-Guided Contract and Scriptural Sovereignty: The Muscovite Perspective of Pravda Voli Monarshej v Opredelenii Naslednika Derzhavy Svoej. Specimina Nova Pars Prima Sectio Mediaevalis. Pecs: Pécsi Tudományegyetem, 2009. P. 139–150.
13. *Vroon R.* Poetry Speaks to Power: Panegyric Responses to Peter III, Catherine II and the Coup d'Etat of 1762. Russian Literature. 2014. LXXV. P. 563–590. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.ruslit.2014.05.025>
14. *Whittacker C.* Russian Monarchy: Eighteenth Century Rulers and Writers in Political Dialoue / C. Whittacker. DeKalb: University of Northern Illinois Press, 2003. 320 p.

Поступила в редакцию 26.08.2019

Бугров Константин Дмитриевич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина» 620144, Россия, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19
E-mail: k.d.bugrov@gmail.com

K.D. Bugrov

**POLITICAL THEOLOGY AND THE LEGITIMATION OF CATHERINE'S COUP OF 1762:
"SOLEMN EULOGY" OF KONSTANTIN (BORKOVSKIY)**

DOI: 10.35634/2412-9534-2020-30-1-18-25

The paper analyzes the role of political theology of Russian 18th century in the legitimation ideology of Catherine II aimed at justification of the palace coup of 1762. The subject of analysis is the sermon delivered by Konstantin (Borkovskiy) in Moscow on July 10th, 1762, and dedicated to explanation of the events of the coup. The author shows that Konstantin's sermon deploys two main systems of argumentation: providential appeal to the history understood as uncovering of God's plan for Russia (Augustinism), and the cult of monarch supported by the historical and Biblical comparisons and the direct glorification of monarch's specific qualities. These parameters of Konstantin's sermon could be compared with the earlier block of political sermons of Elizabeth's age and the other texts which were justifying the coup (official manifestoes, poetical panegyrics). Such comparison allows author to conclude that Augustinism, being an intellectual tool to justify the fall of the monarch, was an unchangeable element of the legitimation ideology of the age, while the glorification of the monarch, being a tool to explain the enthronement of a particular person, was acquiring its ideological content depending on the circumstances. And even though the legitimation strategy of the 1762 coup included secular ideological systems (for instance, natural and Roman law, anti-absolutist rhetoric), the political theology remained pivotal element of Catherine's legitimation ideology.

Keywords: political theology, monarchism, absolutism, Augustinism, Konstantin (Borkovskiy), Catherine II.

REFERENCES

1. *Bolotov A. T.* Zhizn' i prikljuchenija Andreja Bolotova, opisannyja samim im dlja svoih potomkov. 1738–1793 [Life and adventures of Andrey Bolotov described by himself for his descendants]. Saint Petersburg, Print. House of V. Golovin, 1871, vol. 2, 1120 p. (In Russian).
2. *Bugrov K. D.* "Politicheskoe bogoslovie" elizavetinskoj jery: legitimacija vlasti Elizavety Petrovny v pridvornoj propovedi 1740-h — 1750-h gg. ["Political theology" in Elizaveta's Age: Legitimation of Elizaveta Petrovna's power in court sermons of the 1740s–1750s]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Tomsk State University], 2018, no. 436, pp. 131–138. (In Russian).
3. *Gukovskij G. A.* Oчерки po istorii russkoj literatury XVIII veka. Dvorjanskaja fronda v literature 1750-h — 1760-h godov [Essays in history of Russian literature of 18th century. The gentry Fronde in the literature of 1750es–1760es]. Moscow, Leningrad, "Akademy of Sciences" Publ., 1936, 236 p. (In Russian).
4. Dokumenty stavki E. I. Pugacheva, povstancheskih vlastej i uchrezhdenij. 1773–1774 gg. [Documents of E. I. Pugachev's command, the rebels' powers and institutions, 1773–1774]. Moscow, "Nauka" Publ., 1975, 522 p. (In Russian).
5. *Zernova A. I.* "Vlast' bez doverija nacii — ничто". Gubernskaja reforma Ekateriny II v propovedjah na otkrytie namestnichestv ["Power without the trust of a nation is nothing". The governorate reform of Catherine II in the sermons for opening the governorates]. Rossiya XXI [Russia XXI], 2013, no. 4, pp. 136–159. (In Russian).

6. *Kiselev M. A.* *Obstojatel'nyj Manifest o vosshestvii Ekateriny II na prestol 1762 g.: avtorstvo i idejnye istochniki* [Detailed Manifesto of Catherine II's ascension of 1762: authorship and intellectual sources]. *Sovremennaja nauchnaja mysl'* [Present-day scientific thought], 2018, no. 5, pp. 48–64. (In Russian).
7. *Kislova E. I.* *Izdanie pridvornyh propovedej v 1740-e gody* [Publication of court sermons in 1740es], XVIII vek. *Sbornik 26. Staroe i novoe v russkom literaturnom soznanii XVIII veka* [18th century. Collection 26. Old and new in Russian literary thought of 18th century]. Saint Petersburg, "Nauka" Publ., 2011, pp. 52–72. (In Russian).
8. *Klejn I.* *Pohvala vlastitelju: panegiricheskaja poezija i russkij absolutizm* [Praising the Ruler: Panegyric Poetry and Russian Absolutism]. *Slovene*, 2015, no. 2, pp. 36–71. (In Russian).
9. *Marasimova E. N.* "Zakon" i "grazhdanin" v Rossii vtoroj poloviny XVIII veka: ocherki istorii obshhestvennogo soznaniya ["Law" and "citizen" in Russia in the second half of 18th century: essays in history of public thought]. Moscow, "NLO" Publ., 2017, 508 p. (In Russian).
10. *Proskurina V.* *Mify imperii. Literatura i vlast' v jepohu Ekateriny II* [Myths of empire. Literature and power in the age of Catherine II]. Moscow, "NLO" Publ., 2006, 322 p. (In Russian).
11. *Slovo torzhestvennoe o vseradostnejšem i vozhdelennejšem na samoderzhavnyj vserossijskij prestol vstupenii Eja Svjashhennejshago Imperatorskago Velichestva, Blagochestviejšija Gosudaryni Imperatricy Ekateriny Vtoryja Samoderzhicy Vserossijskija, slavu premiloserdomu gospodevi za tolikuju ego na Rossiju izobil'nuju milost', vzdajushhee, v bol'shom Uspenskom sobore Moskovskago Danilovskago monastyrja igumenom Konstantinom. 1762 goda, ijulja 10 dnja v den' vospominanija Tureckoj akcii.* Moscow, "Pri universitete" Publ., 1762, 10 p. (In Russian).
12. *Sashalmi E.* *God-Guided Contract and Scriptural Sovereignty: The Muscovite Perspective of Pravda Voli Monarshej v Opredelenii Naslednika Derzhavy Svoej.* *Specimina Nova Pars Prima Sectio Mediaevalis.* Pecs, Pécsi Tudományegyetem, 2009, pp. 139–150.
13. *Vroon R.* *Poetry Speaks to Power: Panegyric Responses to Peter III, Catherine II and the Coup d'Etat of 1762.* *Russian Literature*, 2014, no LXXV, pp. 563–590. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.ruslit.2014.05.025>
14. *Whittacker C.* *Russian Monarchy: Eighteenth Century Rulers and Writers in Political Dialouge* / C. Whittacker. DeKalb, University of Northern Illinois Press, 2003, 320 p.

Received 26.08.2019

Bugrov K. D., Doctor of History, Professor of Department of history of Russia
 Ural Federal University
 Mira st., 19, Ekaterinburg, Russia, 620144
 E-mail: k.d.bugrov@gmail.com